

Андрей Фурсов

КОНСПИРОЛОГИЯ

криптополитэкономика капитализма
как основа изучения западных элит
(авторский экспертный доклад)

Annotation

Авторский экспертный доклад проекта «Изборский клуб».

- [«Изборский клуб»](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

«Изборский клуб»

КОНСПИРОЛОГИЯ

криптополитэкономика капитализма

как основа изучения западных элит

(авторский экспертный доклад)

Глава I

Есть странное противоречие в нашей жизни — жизни учёных, аналитиков, исследователей, изучающих социальную реальность. На уровне здравого смысла, регулирующего повседневное поведение, мы прекрасно знаем, что, во-первых, есть лица, группы и структуры, оказывающие на ход вещей, на жизнь значительно большее влияние, чем другие лица, группы и структуры, а порой — чем большинство этих последних; во-вторых, эти более могущественные лица, группы и структуры реализуют своё влияние, власть скрытым образом, за кулисами видимых событий; в-третьих, лица, группы и структуры, о которых идёт речь, существуют не хаотически, а организованно. Всё это довольно тривиально, и едва ли кто-то станет с этим спорить. Однако как только речь заходит об объяснении неких исторических явлений или политических событий, указанном на лежащую на поверхности социальную неравномерность, неравновесность не просто забывают или игнорируют — её стараются опровергнуть; в результате анализ или объяснение того или иного события ограничивается фасадом, тем, что можно пощупать, тем, что легко «даёт себя прочесть» (М. Фуко).

Если, например, речь пойдёт о выборах президента, то нам будут совать под нос опросы рядовых граждан (можно подумать, что они имеют такой же вес и такие же возможности, что не рядовые: ведь никто не станет утверждать, что у кукол те же права, что у кукловодов) и результаты голосования. Нам станут говорить о большинстве, его волеизъявлении и т. п. Но что значит большинство? Сто волков и тысяча овец — кто тут большинство? Сотня людей, которая контролирует 30–50 % мирового богатства, власть и информацию (СМИ) и, обладая обширными международными связями, живёт в глобальном пространстве, или несколько десятков миллионов не очень образованных работяг, «пролов», живущих от зарплаты до зарплаты в своем локальном мирке?

Если речь идёт о некоем экономическом событии, то нам представят статистику, подменяя количеством качество. Конвенциональная наука об обществе функционирует главным

образом как наука больших цифр и эмпирических обобщений. Но ведь даже математика начинается там, где заканчивается цифирь, а из нескольких эмпирических обобщений не сделать одного теоретического. И если мы в объяснении тех или иных исторических явлений усомнимся в видимом, в явлении и попытаемся найти объяснение, лежащее глубже, чем видимое, которое нередко искусственно сконструировано, если попытаемся проникнуть на уровень сущности, такую попытку нередко квалифицируют как «конспирологию». Более того, этот термин сам по себе или в виде синонима — «теория заговора» (далее — ТЗ) — используется, когда нужно скомпрометировать ту или иную работу, концепцию или схему без обсуждения или, что ещё чаще, когда нужно не допустить такого обсуждения в принципе. Но если история свободна от Заговора как одного из важнейших факторов, то что делать с такими заявлениями, как «миром управляют оккультные силы и их тайные общества»? Или: «Судьба Европы находится в руках всего лишь трёхсот человек, каждый из которых знает всех остальных. Своих преемников они выбирают из собственного окружения. Эти люди имеют средства для того, чтобы положить конец той государственной форме, которую они считают неоправданной».

Первая фраза принадлежит представителю британской верхушки премьер-министру Великобритании Бенджамину Дизраэли, вторая — представителю немецкой верхушки (и в то же время советнику Ротшильдов), промышленнику и министру иностранных дел Веймарской республики Вальтеру Ратенау.

Сказанное ими вполне соответствует научному подходу, обусловленному политэкономией капитализма. «Современная политическая экономия, — пишет нобелевский лауреат по экономике П. Кругман, — учит нас, что маленькие, хорошо организованные группы зачастую превалируют над интересами более широкой публики»^[1]. Эти слова принадлежат не конспирологу, а известному либеральному американскому экономисту и экономическому обозревателю, нобелевскому лауреату по экономике. Он прямо пишет о том, что, например, в Америке правые радикалы, будучи небольшой группой, но контролируя при этом Белый дом, Конгресс и в значительной степени юстицию и СМИ, стремятся изменить как нынешнюю американскую, так и мировую систему.

Задолго до П. Кругмана — в самом начале XX в. — об огромной роли маленьких, хорошо организованных групп в широкомасштабных исторических процессах на примере Великой французской революции писал Огюст Кошен на примере энциклопедистов. А ведь энциклопедисты жили и действовали до эпохи всеисия СМИ, флэшмобов и сетевых структур, контроль над которыми увеличивает потенциал «малых народов» различного типа не то что в разы — на порядки, превращая заговор в Заговор. П. Кругман очень хорошо показал это на примере деятельности неоконгов в США в 1990-е годы. «Никому не хочется выглядеть сумасшедшим теоретиком заговоров, — пишет он в своей работе „Великая ложь“, — однако нет ничего безумного в том, чтобы раскапывать истинные намерения правых. Наоборот, неразумно притворяться, что здесь нет никакого заговора»^[2].

Слово сказано, и это слово — «заговор», причём как политико-экономический феномен, как система странового, государственного уровня.

Обычно под конспирологией (от англ. *conspiracy* — заговор; «*conspiracy*», в свою очередь, восходит к латинскому «*conspiratio*» — созвучие, гармония, согласие, единение и... тайное соглашение, сговор, заговор и даже мятеж) имеется в виду сфера знания, в которой история, особенно резкие её повороты, объясняются не историческими закономерностями и массовыми процессами, а перипетиями тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил — орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций и т. д. и т. п. — на выбор.

Нередко акцентируется примитивный или сознательно примитивизируемый характер конспирологических схем, их несерьёзность, порой — одиозность. Действительно, немало конспирологических работ написано в погоне за сенсацией и заработком (не очень честным), отсюда — легковесность, непроверенность фактов. В то же время немало работ, именуемых «конспирологическими», суть не что иное, как своеобразные «акции прикрытия», цель которых — либо упреждающе отвлечь внимание от главного, от «базовой операции», заставить публику сконцентрировать внимание не на том «шаре», не на том «наперстке», да ещё и «наварить» на этом; либо, напротив, привлечь внимание к какой-либо

третьестепенной теме или проблеме, разрекламировать те или иные структуры или тех или иных лиц как якобы обладающих неким скрытым могуществом; либо заранее скомпрометировать серьёзные попытки глубоко разобраться в тайных механизмах тех или иных событий, а тех, кто эти попытки предпринимает, выставить в невыгодном свете.

Не прибавляет доверия к конспирологии и то, что порой она становится элементом неомифологических конструкций (борьба «Добра против Зла», «сил Бытия против Небытия» и т. п.). В таких случаях реальный и часто корректный сам по себе анализ компрометируется вненаучными целями схемы, элементом которой он оказывается и в которой научные термины пересыпаны религиозными, мифологическими и т. д., являются их функцией. Особенно когда схемы эти подаются как озарение (типа распутинского «я так вижу»), которое на самом деле представляет собой постмодернистскую версию мракобесия, шаманского камлания.

Иногда имеют место более замысловатые комбинации: конспирологическая работа появляется специально для того, чтобы, попав под огонь разгромной критики, раз и навсегда скомпрометировать исследования по данному вопросу, структуре, личности; часто это делается накануне выхода в свет серьёзной публикации по данной теме. И невдомёк публике, что автора «заказухи» — «слепого агента» — исходно снабдили недостоверной информацией, чтобы устранить серьёзное отношение к исследованиям в данном направлении вообще и — «два шара в лузу» — нейтрализовать эффект серьёзных публикаций, максимально подорвав цену на этот товар на «информационном рынке».

Кстати, сам «рынок» конспирологической литературы, так сказать, в его количественном аспекте во многом выполняет роль дезориентации людей, топит их в потоке информации, в котором они не способны разобраться, отвлекает внимание от реальных секретов, от тех мест, где их действительно прячут.

Вспомним диалог патера Брауна и Фламбо из честертоновской «Сломанной шпаги» («The sign of the broken sword»): «После минутного молчания маленький путник сказал большому: „Где умный человек прячет камешек?“ И большой ответил: „На морском берегу“. Маленький кивнул головой и, немного помолчав, снова спросил: „А

где умный человек прячет лист?“ И большой ответил: „В лесу“»^[3]. Иными словами, секреты практичнее всего «прятать» на видном месте. Подобной точки зрения придерживались не только Кийт Гилберт Честертон и такие мастера детектива, как Эдгар По («Похищенное письмо») и сэр Артур Конан Дойл, но и Александр Зиновьев: «Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности», и в этом смысле одна (но далеко не единственная) из задач реальной конспирологии — прочитывать неявный смысл, скрытый шифр очевидного, лежащего на виду и потому кажущегося ясным. В том числе и — высший пилотаж — скрытый смысл самих конспирологических работ.

Едва ли кто сможет оспорить тот факт, что далеко не все причины и мотивы происходящего в мире лежат на виду — наоборот, они скрываются; далеко не все цели декларируются открыто, и это естественно. Мы прекрасно знаем, что большая политика делается тайно, реальная власть — это тайная власть, а зона функционирования «высоких финансов» — тайна. Поэтому, как правило, поставить под сомнение реальный анализ скрытых механизмов истории пытаются либо люди недалекие, профаны, либо, напротив, те, кто слишком хорошо знает о существовании тайных сил, структур и т. п. и старается отвести от них внимание, сбить со следа, высмеивая серьёзный поиск как конспирологию. Правда, в этом старании нередко прокалываются, в частности, на двойных стандартах в оценке различных явлений.

Возьмём, к примеру, интерпретации Коминтерна, т. е. III Интернационала, который два десятилетия втайне планировал и проводил перевороты, восстания, революции, у которого были гигантские скрытые финансы и т. п. Коминтерн — это, несомненно, конспироструктура (далее — КС), а его влияние на ход истории — это конспирологическое влияние. Почему же аналогичные структуры буржуазии и аристократии, действующие в закрытом режиме, обладающие намного большим политическим и финансовым потенциалом, — не конспирологические? Напомню слова Льва Троцкого о том, что настоящие революционеры сидят на Уолл-стрит. И, добавлю я, не только сидели, но тайно помогали большевикам, а еще больше Гитлеру, решая, естественно, свои задачи. Это не говоря о том, что революции, войны и макрокризисы — это всегда заговор. А точнее — Заговор.

Разумеется, в основе кризисов и революций лежат объективные системные причины. Никто не отменял массовые процессы. Но мир — понятие не количественное, а качественное, как любил говорить Эйнштейн. В мире небольшая, но хорошо организованная группа, в руках которой огромные средства (собственность, финансы), власть и контроль над знанием и его структурами, а также над СМИ весит намного больше, чем масса людей или даже целая страна — достаточно почитать «Исповедь экономического убийцы» Дж. Перкинса.

О конспирологии можно говорить двояко — как об определённом подходе к изучению реальности и как о научной программе или эпистемологическом поле, но не как о дисциплине (по крайней мере пока, хотя потенциально это дисциплина транспрофессионального типа, другой вопрос — актуализируется ли эта потенция и если да, то как). Как подход конспирология это, прежде всего, дедуктивно-аналитический поиск (хотя и индукцией не следует пренебрегать), нередко по косвенным свидетельствам, неочевидного в очевидном, тайного в явном, вычисление скрытых мотивов, причин и причинных связей (рядов), которые не лежат на поверхности, не проявляются, а если и проявляются, то в виде странностей, досадных случайностей, непонятных пустот, отклонений, которые так не любят стандартные исследователи — они им жить мешают, смущают и тревожат. Можно сказать, что в этом смысле конспирология должна быть неотъемлемым элементом социальных дисциплин в их нынешнем состоянии, компенсируя и ориентацию на то, что лежит на поверхности, на «законы количества», на явное.

Это «должна» обусловлено не только несовпадением явления и сущности, самой спецификой социального знания, в основе которого лежит несовпадение — принципиальное несовпадение истины и интереса, на порядок усиливающее в этой области знания несовпадение явления и сущности. Эйнштейн говорил, что природа как объект исследования коварна, но не злонамеренна, т. е. не лжёт сознательно, «отвечая» на вопрос исследователя; человек же в качестве объекта исследования часто лжёт — либо бессознательно, либо намеренно, скрывая или искажая реальность в личных, групповых, системных интересах. Или будучи в плену ложного сознания, а то и просто от незнания, порой — учёного. Более того, в социальных

системах целые группы специализируются на создании знания в интересах определённых слоев, т. е. в продуцировании ложного знания. Так, в капсистеме социальные науки и их кадры выполняют определённую функцию — анализ социальных процессов в интересах господствующих групп и с точки зрения их интересов, в конечном счёте — в целом (интересах) сохранения существующей системы с её иерархией. В результате социальный интерес верхов становится социальным и профессиональным интересом того или иного научного сообщества как корпорации специалистов, которая, по крайней мере её верхняя половина, становится идейно-властными кадрами системы, особой фракцией господствующих групп, привилегированной службой.

В этом нет ничего необычного, напротив — проза жизни, в основе которой лежит двойное несовпадение: сущности и явления, истины и интереса. Постигание кем-то сущности социальной системы или властной организации, их истины и меры, как правило, не в интересах господствующих групп, они всячески препятствуют этому, ограничивая (в том числе институционально и дисциплинарно) реальные исследования уровнем явлений, причём трактуемых в интересах верхов. В результате социальный, классовый интерес верхов становится интересом обслуживающего их профессионального интеллектуального сообщества как корпорации и в известном смысле — его истиной в специфическом смысле слова.

Этот интерес автоматически встраивается в исследования научного сообщества, регулируя не только решения проблем, не только способы их постановки, но и то, что считать научными проблемами, а что нет. Отсюда — табу на целый ряд проблем, их практическая необсуждаемость. В периоды кризисов реальность мстит этой табуизации, приводя верхи к классовой и геополитической слепоте, а обслуживающих их «спецов» к полной интеллектуальной импотенции. Список этих проблем в современной социально-исторической науке довольно длинный — от конспирологической проблематики до расовой и холокоста. Любой анализ знания с учётом искажающих его социальных интересов, вскрытие самих этих интересов, анализ реальности с точки зрения не тех или иных групп / интересов, а системы в целом так или иначе соотносится с конспирологией — эпистемологически, по повороту мозгов. Здесь выявляется двойной

скрытый смысл: самой реальности (прежде всего, властной, социально-энергетической) и знания о ней (информационной).

Конспирология как научная программа — это, помимо прочего, всегда раскрытие секретов власть имущих, того, как реально функционирует власть, как распределяются ресурсы и циркулирует информация. А поскольку истинная власть — это, как правило, тайная власть или явная власть в её тайных действиях, в тайном измерении, то её анализ по определению имеет конспирологический аспект. К сожалению, у современного обществоведения нет ни понятийного аппарата, ни возможности, а часто и желания заниматься скрытыми механизмами социальных процессов, тем, что лежит не на поверхности, теневой стороной реальности. В этом плане современное обществоведение является ущербным, половинчатым: в основном оно занимается явлениями, а не сущностью, функциями, а не субстанцией, таким образом упуская главное. Конспирология как научная программа — мера половинчатости, неполноценности современной науки об обществе. Когда будет создана полноценная, «свето-теневая» наука об обществе, нужда в конспирологии, в криптоматике отпадёт — это будет просто анализ закрытых сторон реальности, вскрывающий секреты, интересы и мотивы властей предрежащих.

Иными словами, разработка конспирологии как научной программы — это работа на превращение социальных наук из одномерных в многомерные, полноценные и занимающие произвольную позицию по отношению к интересам тех, у кого в руках власть, собственность и информация, т. е. конспирология выполняет функцию эмансипации и самокоррекции нынешней науки об обществе.

Глава II

Помимо рынка конспирологической литературы существует и рынок антиконспирологических работ, эффект которых нередко столь же контрпродуктивен, как и некоторых конспирологических: если эти последние нередко компрометируют анализ закрытых сторон реальности как таковой, то их антиподы своей слабостью или ангажированностью, стремлениям доказать, что никаких заговоров в природе нет, что, например, Линкольна и Кеннеди убили одиночки и т. п., добиваются обратного эффекта. К таким работам, в частности, относится книга Д. Пайпса «Заговор. Мания преследования в умах политиков»^[4]. Уже из названия видно, что автор, сын известного русофоба Р. Пайпса, приравнивает ТЗ к паранойе. О работе Д. Пайпса, как и о ее авторе, на котором природа явно отдохнула (достаточно почитать его рассуждения), самих по себе не стоило бы говорить. Однако эта работа доводит до логического конца типичную антиконспирологическую аргументацию, активно замешанную на тупом антикоммунизме, и тем показательна, а потому взглянем на неё поближе.

Пайпс высмеивает «конспирологические» теории убийства Кеннеди (он согласен с официальной версией!), создания Федеральной резервной системы (ФРС), Французской революции. «Сплясал» он и по поводу «Протоколов Сионских мудрецов», напирая на роль этого документа в «конспирацизме». В реальности в послевоенный период «Протоколы...» не играют практически никакой роли в конспирологической литературе. Но дело даже не в этом. Чёткий ответ по поводу протоколов дал Герберт Уэллс — писатель, разведчик, человек из «закулисы», причём намного более информированный, чем оба Пайпса, вместе взятые. На вопрос: фальшивка «Протоколы...» или нет, автор «Машины времени» ответил, что этот вопрос иррелевантен, т. е. не имеет значения, поскольку в мире всё произошло так, как расписано в «Протоколах...». Повторю: Уэллс «работал» на таком уровне, куда пайпсов и близко не подпустят.

Все ТЗ Пайпс-младший, примитивизируя и оглупляя их, сводит к схемам поисков каверз масонов и евреев, автоматически навешивая на

конспирологов ярлык «антисемитизма». Д. Пайпс — не единственный «критик конспирологии», прибегающий к этому дешевому жульническому трюку. Нередко исследователей, ищущих скрытые механизмы истории и политики, обвиняют в поисках «мирового правительства», «жидомасонского заговора», ну а от «жидомасонского заговора» один шаг не только до «масонов», но и до «жидов» и, следовательно, до обвинения в антисемитизме. Пайпс вешает антисемитизм на левых, но ведь исторически антисемитизм — это, как правило, «забава» правых, и сам же Пайпс связывает конспирологию и с правыми. Где логика? Он даже утверждает, что в 1989 г. с исчезновением советского блока исчезла и самая мощная в истории фабрика ТЗ. Бедный-бедный Пайпс. Он, по-видимому, незнаком с основами марксизма, исторического материализма, которые в том виде, в каком они развивались в СССР, исключали ТЗ по определению, поскольку акцентировали роль «объективных массовых процессов» и «законов истории». Ярлык «советского конспирацизма» Пайпс пытается навесить на любое противодействие СССР агрессивным акциям США во внешнеполитической и идеологической сферах.

«Советским конспирацизмом» Пайпс называет «непомерный страх коммунистических режимов перед заговорами» в результате того, что они, как пишет Пайпс, сами же поверили в созданный ими образ врага^[5]. По Пайпсу, выходит, что у СССР и соцстран не было врагов — они их выдумали; т. е., выходит, не было директив Совета национальной безопасности США об атомной бомбардировке советских городов. Практически любую критику в адрес США Пайпс квалифицирует как проявление ТЗ. Можно порекомендовать ему почитать Зб. Бжезинского, Г. Киссинджера, Дж. Фридмена и др., которые откровенно говорили и говорят о тех агрессивных планах США, которые Д. Пайпс квалифицирует как «конспирологические выдумки». Пайпс, по-видимому, идиот в исходном, греческом смысле слова: идиот — человек, который живёт так, будто окружающего мира не существует.

Показательно, что Пайпс не осмелился назвать свою работу научным исследованием — она не выдерживает минимальной проверки на научность. Её цель в другом — опорочить в глазах широкой публики любые попытки анализа реальных тайных пружин политики, и особенно — американской политики.

У работы Пайпса есть антиподы — ультраконспирологические схемы, авторы которых видят заговоры везде. Это крайности, посередине — скучноватый мейнстрим, в котором не столько анализируются (для этого много что надо знать и немало продумать), сколько излагаются и каталогизируются ТЗ (классика — работа Й. Р. фон Биберштайна^[6]) или даётся попытка их культурологической интерпретации (например, П. Найтом^[7]).

Хотя обе эти книги более спокойные по тональности, чем многие другие опусы подобного рода, у них есть заданная направленность, которая видна в подзаголовках. Для Найта «культура заговора» — это одновременно и реальное, до сих пор нераскрытое убийство Кеннеди с практически доказанным реально существовавшим заговором, и популярный сериал. Так сознательно стирается грань между реальностью и вымыслом и возникает некая зыбкая «культура заговора», где социальное содержание событий исчезает, растворяется в фантастике. А самое главное — снимается необходимость поиска причинно-следственных связей, который может поставить ряд неприятных или просто неприемлемых для истеблишмента вопросов.

В ещё большей степени это так в случае с фон Биберштайном. Он разбирает схемы, в которых в качестве заговорщиков фигурируют философы, масоны, евреи, либералы и социалисты. Но не финансисты, не капиталисты, не династические семьи, не аристократия, поскольку такой анализ, имеющий, кстати, солидную доказательную базу, подошёл бы опасно близко к реальным секретам западной системы, буржуазного общества. Тайная криминальная история капитализма, в которую в качестве активно действующих лиц, субъектов замешана верхушка, — реальность; при таком подходе уже трудно будет дать заголовок «Миф о заговоре» — с капиталом всё конкретно, и фон Биберштайн прекрасно это понимает, «тренируясь на кошках» — на философах, социалистах, на тех, кто не создаёт проблем.

В целом работа фон Биберштайна полезна — судя не только по библиографии, но и по тексту, автор перелопатил огромный пласт конспирологической и антиконспирологической литературы. К сожалению, работа написана в «немецком стиле» — много знания и не так много понимания, отсюда либо легковесные, либо приземлённые суждения — автор знаком с книгами по узкой теме, но не очень хорошо представляет себе более широкую историческую реальность.

Впрочем, повторю: как стартовым историографическим материалом «Мифом о заговоре» вполне можно пользоваться.

Моя работа — не историография конспирологии, тем не менее необходимо упомянуть те работы, которые обычно помещают у её истоков и которые задали определённую логику её развития и логику её критики, особенно недобросовестной. Прежде всего, нужно назвать «Памятные записки по истории якобинства» (1797) аббата Огюстэна Баррюэля^[8], «О тайных обществах и их угрозе государству и религии» Джона Робинсона^[9] и «Триумф философии в XVIII веке» Йогана Августа Старка^[10]. По сути, это трио и сформулировало нечто вроде масонско-иллюминатской повестки дня развития конспирологии и антиконспирологии на добрую часть XIX в. Хотя Баррюэль был не первым, кто связал масонство с революцией (пионер здесь — священник Жак Франсуа Лефран с его «Сорванным покрывалом»)^[11], и хотя документами его активно снабжал Старк, всё же именно этот аббат оказался главной фигурой у истоков конспирологии — по детальности и одновременно охвату исследования, весьма масштабному по меркам конца XVIII в., да и не только. В первом томе («Антихристианский заговор») он подробно описал как англофил Вольтер со товарищи вели идейную подготовку подрыва монархии и христианства; во втором томе («Заговор софистов и мятеж против королей») рассказано о союзе философов и масонов; третий том («Нечестивый и архаический заговор софистов» — так же называется и четвёртый том) посвящён баварским иллюминатам, а в четвёртом показано, как заговор реализовывался в реальности.

Работы указанной «тройки», их последователей и их критиков привлекли внимание к масонско-иллюминатскому аспекту европейской истории и политики и в то же время серьёзно заузили этой тематикой анализ европейской истории и политики в её закрытом («тайном») измерении в целом.

Во-первых, сами дискуссии развивались по упрощённой схеме утверждения — отрицания («да» — «нет»), что весьма упрощало реальную историческую картину. Во-вторых, внимание отвлекалось от иных неявных субъектов мировой политики, мировой игры, например, от крупных финансовых домов (тех же Ротшильдов), от истеблишмента в целом. В-третьих, внимание отвлекалось и от Великобритании — государства, весьма заинтересованного в развитии

в Европе масонских и иных закрытых структур, от государства, которое в значительной степени (хотя и не в такой, как США) было создано подобными рода структурами Европы и Англии, в какой создавало их, и от капитализма как системы.

Одна из главных слабостей конспирологических штудий заключается в том, что, «нарыв» огромный, интереснейший, нередко убойный эмпирический материал, переворачивающий представления о многих исторических событиях, их авторы не смогли адекватно концептуализировать его, превратив в особую дисциплину и / или перестроив под определённым углом уже существующие дисциплины. Для этого нужно было вписать конспироштудии в проблематику исторического и теоретического анализа капитализма как системы, поскольку и закрытые («тайные») наднациональные структуры мирового согласования и управления и возможности небольших по численности групп проектно направлять ход истории или, по крайней мере, пытаться это делать, логически вытекают из социальной природы капитализма, его особенностей.

Более того, именно капиталистическая система (и в таком масштабе только она) порождает закрытые наднациональные структуры мирового управления и согласования, существующие в режиме «заговора», они имманентны ей; по сути, её существование без них невозможно. Они — такая же черта капсистемы, как циклы накопления капитала или циклы борьбы за мировую гегемонию и мировые войны; более того, развитие КС теснейшим образом связано с экономическими и политическими циклами капсистемы, по ним можно судить о системе в целом, поскольку они воплощают целостные (пространство) и долгосрочные (время) аспекты стороны её функционирования.

В конце жизни Маркс заметил, что если бы он писал «Капитал» заново, то начал бы с государства и международной системы государств. Сегодня я бы сказал так: если в наши дни писать заново «Капитал» (эта задача весьма актуальна), то начинать надо с того, что с лёгкой руки И. Ильина называют «закулисой», т. е. с закрытых наднациональных структур согласования и управления — именно они самым фактом своего существования снимают одно из важнейших, базовых противоречий капитализма. Без этого снятия (в гегелевском — *Aufhebung* — смысле) и без структур-персонификаторов этого снятия

функционирование капитализма, по сути, невозможно. Конспирология как процесс и реальность («как воля и представление») — необходимое условие существования капитализма и процесс этого существования одновременно.

Глава III

В экономическом плане капитализм — цельно-мировая, наднациональная система, мировой рынок не знает границ; его *locus standi* и *field of employment*, как сказал бы Маркс, — мировой рынок, мир в целом. А вот в политическом плане капсистема — это не целостность, а совокупность, мозаика государств, их международная (*international*) организация, т. е. организация национальных государств. Это одно из серьёзнейших противоречий капитализма — противоречие между капиталом и государством, мировым и национальным (государственным).

К середине XIX в., по мере превращения капитализма в целостность, в систему-для-себя или, как сказали бы марксисты, в формацию, т. е. с обретением им адекватной ему материальной (вещественной) базы — индустриальных производительных сил, капитализм обретает прочный производственный фундамент. Но индустриальные производительные силы носят региональный характер, будучи сконцентрированы в зоне Северной Атлантики, тогда как производственные отношения носят мировой характер, вступая в противоречие с государственно-политическими формами и стремясь взломать их. Так противоречие между целостным мировым характером экономики и суммарно-мозаичным национальным характером государственно-политической организации обретает ещё одно измерение: мировые производственные отношения (и их персонификаторы) противостоят не мировым, а региональным производительным силам и не мировым же, а национальным государственно-политическим структурам — и их персонификаторам. В результате, во-первых, интересы государств оказываются, как правило, тесно связанными с таковыми промышленников, капиталов реальной, «физической», как сказал бы Л. Ларуш, экономики, а интересы финансистов объективно противостоят и тем и другим. Разумеется, реальность сложнее, для неё порой характерны различные выверты и комбинации, хитрые переплетения линий вероятности, обусловленные конъюнктурой, обстоятельствами — как историческими, так и семейно-личностными (это хорошо показали в

своих романах О. Бальзак, Э. Золя и др.). И тем не менее названное выше базовое противоречие и способы (формы) его снятия остаются определяющим всю эволюцию, всю моторику капитализма. Но мы немного забежали вперед.

У крупной буржуазии, в какой бы стране она ни жила (особенно если это крупная страна), прежде всего у её финансового сегмента, всегда есть интересы, выходящие за национальные рамки, за пределы государственных границ — своих и чужих. И реализовать эти интересы можно, только нарушая законы — своего государства или чужих, а чаще и своего, и чужих одновременно. Причём речь идёт не о разовом нарушении, а о постоянном и систематическом, которое, следовательно, должно быть как-то оформлено. Ведь одно дело, когда капиталу противостоит слабая или даже не очень слабая политика в Азии, не говоря уже об Африке, — здесь достаточно силового варианта «дипломатии канонёрок». А как быть в мире равных или относительно равных: Великобритании, Франции, России, Австрии, со второй половины XIX в. — Германии, США? Это совсем другое дело. Здесь уже так просто не забалуешь, нужно не огнестрельное, а организационное оружие, которое оформило бы интересы капиталистических верхушек различных государств, сняло их противоречия с государством и стало бы выражением их целостных (вне- и наднациональных) и долгосрочных интересов.

Таким образом, поскольку товарные цепи на мировом рынке постоянно нарушают государственно-политические границы, нередко вступая при этом в противоречие с интересами «пересекаемых» государств, верхушке капиталистического класса, во-первых, необходимы наднациональные, надгосударственные структуры / организации; во-вторых, эти организации должны быть если не совсем тайными, то закрытыми от широкой публики, и, в-третьих, эти организации / структуры должны иметь возможность влиять на государства, воздействовать на их руководителей, лидеров, находясь одновременно и над государством, и над капиталом.

По сути, то, чем занимаются эти структуры, иначе, нежели перманентным и институционализированным заговором, не назовешь. А потому речь должна идти о КС. К КС относятся все типы закрытых, в условиях капитализма чаще всего (хотя далеко не всегда) наднациональных структур — масонские ложи, закрытые клубы,

тайные общества, организации орденового типа и т. д. КС ни в коем случае не исчерпываются масонерией и квазимасонерией, хотя в XVIII в. и в значительной части XIX в. они были доминирующей формой организации КС. Однако с конца XIX в. и тем более в XX в. возникают новые, более современные формы КС, не отменяющие старых, нередко связанные с ними, но значительно более непосредственно связанные с политикой, экономикой, разведкой.

КС — это третий «угол» капитализма как системы, причём угол, находящийся сверху, над капиталом и государством, располагающихся на одной плоскости. КС — это третье измерение, завершающее систему капитализма и придающее ей целостность. Когда историю капиталистической эпохи пишут и рассказывают как историю только государств(а) и капитала, — это неполная, неполноценная и фальшивая история. Это двухмерная история трёхмерной системы. Без КС история капиталистической эпохи непонятна — и невозможна. Другое дело, что история КС должна быть вписана в историю капитала (его циклов накопления) и государства (борьбы за гегемонию), а их отношения анализироваться как субъекта и системы. Только в этом случае мы получим целостную, интегральную историю эпохи, а не схему, способную удовлетворить профанов, в том числе и таковых от науки.

КС снимают не только базовое политико-экономическое противоречие, о котором шла речь, но и другие: между различными формами капитала и, соответственно, фракциями капиталистического класса; между государствами.

Представляя одновременно и капитал, и государство, связывая их организационно в такой сфере, которая находится вне государства и вне капитала, КС в то же время оказываются над государством и над капиталом, выражая целостные и долгосрочные интересы капсистемы и выступая таким образом персонификатором целостных и долгосрочных интересов капиталистического класса как её системообразующего элемента. Здесь необходимо дать рабочее определение капитализма, которым я буду пользоваться: как говаривал Декарт, «il faut définir le sens des mots» — «определяйте значение слов». Если капитал в строгом (системном или, как сказали бы марксисты, формационном) смысле слова — это овеществлённый труд, реализующий себя как самовозрастающая стоимость в процессе

обмена на живой труд, то капитализм — это социальная система, в основе которой лежит этот процесс. Но это не вполне достаточное определение. Капитализм — это далеко не только капитал: капитал существовал до капитализма и, скорее всего, будет существовать после него. Капитализм — это сложная социальная система, институционально (государство, политика, гражданское общество, массовое образование) ограничивающая капитал в его долгосрочных и целостных интересах (и таким образом продлевающая для него время) и обеспечивающая ему экспансию (пространство).

Экспансия необходима потому, что капитализм — экстенсивно ориентированная система: как только мировая норма прибыли снижалась, капитализм вырывал из некапиталистической зоны ту или иную часть и превращал её в капиталистическую периферию — источник дешёвой рабочей силы и дешёвого сырья. Истощение некапиталистических зон (1991 г.) означает асфиксию и относительно скорую смерть, а точнее, демонтаж капитализма «властелинами его колец»^[12]. В этом плане глобализация — терминатор не только Советского Союза, системного антикапитализма, но и капитализма как системы. И весьма симптоматично — диалектика: глобализация в значительной степени есть продукт деятельности КС.

Наконец, есть ещё одно важное противоречие буржуазного общества, которое призваны снимать КС. В буржуазном обществе официальная власть не является сакральной, тайна не является её имманентной характеристикой. Это в «докапиталистических» обществах Азии, Африки и доколумбовой Америки тайна была имманентной характеристикой власти, но эта тайна была на виду, очевидной. Люди знали о тайной власти и о тайне власти, саму власть воспринимали во многом как нечто таинственное, сакральное. Кстати, поэтому в данных случаях в заговоре как системе, как особом феномене, строго говоря, особой нужды не было. Разумеется, это не означает отсутствия реальных заговоров и тайной борьбы в этих обществах.

Совершенно иначе обстоит дело с капитализмом как системой. Поскольку в капиталистическом обществе производственные отношения носят экономический характер, а эксплуатация осуществляется как очевидный обмен рабочей силы на овеществлённый труд, социальный процесс почти прозрачен: рынок,

господство товарно-денежных отношений, институциональное обособление власти от собственности, экономики — от морали, религии — от политики, политики — от экономики (управление экономикой отделяется от административно-политического процесса — «закон Лэйна»), экономики — от социальной сферы. Всё это обнажает социальные и властные отношения буржуазного общества. Рационализация экономических, социальных и политических сфер и отношений максимально открывает процессы, происходящие в этих сферах, делает их принципиально читаемыми и превращает в объект исследования специальных дисциплин — экономики, социологии, политической науки.

Власть в буржуазном обществе лишается сакральности и таинственности. Кроме того, помимо государства как ипостаси власти существует гражданское общество. В буржуазном обществе власть — государство и политика — особенно с середины XIX в., если и не просвечивается, то оказывается весьма и весьма на виду, тем более что официально претендует на открытый и рациональный характер. К этому надо добавить избирательную систему с её правами (в Великобритании — с 1867 г.), а также тот факт, что буржуазное общество (в ядре капсистемы) — единственное, которое легализует политическую оппозицию, и пусть лицемерно, но официально провозглашает демократию и права человека в качестве политических принципов. Это, естественно, создаёт очень серьёзные проблемы и для капиталистического класса, и для отражающего его интересы государства, т. е. для системы в целом — проблемы, которые усугублялись и обострялись по мере учащения социальных конфликтов, войн и революций.

Открытый демократический политический фасад самым серьёзным образом затрудняет, если вообще не делает невозможным нормальное функционирование капиталистической системы, т. е. реализацию классовых интересов верхушки за счёт основной массы населения и в ущерб ей, поддержание власти и привилегий этой верхушки. Поэтому нормальное функционирование здесь политико-экономической системы требует создания закрытого властного контура, тени, завесы — того, в чём не было столь острой потребности до капитализма. Требуется тем сильнее и жёстче, чем демократичнее выглядит фасад, который именно по причине своей демократичности и

открытости должен быть лишён реальной власти, или она, по крайней мере, должна быть сведена к минимуму. Это и есть ещё одна задача КС, рост и усиление которых прямо пропорциональны внешней демократизации буржуазных обществ, тогда как соотношение сил между ними носит обратно пропорциональный характер, представляя собой игру с нулевой суммой в пользу КС. Повторю: данный аспект развития КС не является результатом злого умысла, а обусловлен противоречием между внешней логикой развития политических институтов как общенациональных и реальными классовыми (в том числе и мирового уровня) интересами господствующего класса. И в данном случае КС — средство снятия острого социального противоречия, неведомого иным, чем капиталистическое, обществам.

По мере публичного «огосударствления» населения, превращения его граждан в агентов публичной политики, пропорционально возрастала роль тайной, закулисной политики, тайной власти, причём не только внесударственной — масонской и иных тайных обществ, но и самого государства. Последнее в условиях разрастания публичной сферы и роста значения гражданского общества уводило в тень, за кулисы наиболее важные аспекты, стороны и направления своей деятельности, реальную власть и её главные механизмы. И чем бóльшая часть населения получала избирательные права, чем публичнее становилась политика, чем — внешне — демократичнее общество, тем бóльшая часть — особенно в XX в. — реальной власти уводилась в тень, действовала конспиративно, в качестве заговора, срачиваясь с закрытыми структурами. Иными словами, заговор есть обратная, «тёмная», «теневая» сторона демократии и публичности, по сути — тёмная / теневая сторона Модерна в его североатлантическом ядре.

В этом плане можно сказать, что конспирология есть анализ одной из важнейших, если не самой важной, тёмной стороны Модерна, компенсацией того, чем не занимается наука об обществе Модерна. В равной степени сами КС — это компенсаторная реакция капсистемы на своё вынужденное историческими обстоятельствами отклонение от своей природы. Посредством подобных организаций в интересах верхушки капиталистического класса снимались важнейшие противоречия системы, включая базовое, — между экономической целостностью / капиталом и государственно-политической

фрагментарностью / государством, между социальным временем и социальным пространством (с глобализацией эта борьба времени и пространства закончилась победой времени, но цена этой победы — исчерпанность капитализма и обусловленная этим задача его демонтажа его же хозяевами). Снимались за пределами видимости данного общества как типа и как реальности, для того чтобы другое противоречие — между трудом и капиталом — не привело к взрыву, т. е. решение одного противоречия диктовалось необходимостью решения другого. И наоборот.

«Окончательным решением» указанного противоречия по задумке «хозяев мировой игры» (О. Маркеев) должно стать нечто вроде мирового правительства. К созданию последнего верхушка капкласса устремилась с XIX в.: в конце XIX в. задача создания мирового правительства была поставлена на повестку дня, а весь XX в. эту «повестку» пытались исчерпать. Забегая вперёд, отмечу, что каждый раз на пути решения этой задачи хозяевами Запада, т. е. «хозяевами мировой игры», вставала Россия — сначала царская, а затем советская; в этом — одна из причин «горячей любви» к России и к нам, русским, хозяев капсистемы, особенно британцев (подр. см. ниже).

Итак, создание КС, наднациональных структур мирового управления и согласования — императив для верхушки капиталистического класса, включая операторов мирового рынка, которые стали «капиталистами против своей воли» (Р. Лахман). Однако готовых к употреблению, «естественных» капиталистических организаций наднационального уровня у буржуазии и капитализирующейся аристократии XVIII в., когда эта потребность и задача уже вполне осознавались, не было и не могло быть. Хорошо евреям, которые жили «в порах» современного мира, как финикийцы — «в порах древнего мира» (К. Маркс), и могли в своих интересах в качестве наднациональной использовать родственную, семейную систему, как это сделали Ротшильды на рубеже XVIII–XIX вв. и таким образом решить проблему организации наднационального уровня. Отсюда отмеченная многими исследователями начиная с Карла Маркса и Вернера Зомбарта тесная связь еврейства и капитализма, синхронность их подъёма с начала XVI в., резко ускорившаяся в XIX в. Поэтому, естественно, буржуазия и капиталистически ориентированная аристократия использовала, прежде всего, те

организации, которые были в наличии, например масонские. Последние начинали выполнять новые функции, в том числе для выяснения династических отношений в новых условиях — мировой борьбы за рынки, а также служа средством борьбы с государством (уже антифеодальным, но ещё не буржуазным, а «старопорядковым»), причём не только для буржуазии, но и для других групп.

Вот это «для других групп» заслуживает повышенного внимания, особенно с точки зрения анализа генезиса КС, — вместе с капитализмом, ведь это две стороны одной медали. Выше говорилось о том, что КС снимают базовое противоречие капитализма, и в этом их функция. Но сказано и о том, что у капиталистического класса готовых структур для выполнения этой функции не было и они приспособляли под это уже существовавшие, в частности, масонские, служившие интересам далеко не только и даже не столько буржуазии, сколько других групп, хотя и связанных с мировым рынком функционально. Старые структуры обрели новое содержание, модифицировавшее их: старые ключи стали отпирать новые замки. Однако в то же время и это содержание испытало на себе мощное воздействие прошлого, тем более что организовавшие эти структуры группы в значительной степени вошли в состав нового капиталистического класса — речь в основном идёт о британском капиталистическом классе, хотя и не только о нём.

Дело в том, что на месте разрушившегося и разрушенного в XIV–XV вв. феодализма в Западной Европе возник так называемый Старый порядок (*Ancien régime* — словосочетание, запущенное в оборот во Франции в 1789 г., чтобы оттенить новизну революции и обличить в качестве негатива то, что её вожди стремились уничтожить, и то, что на самом деле было намного гуманнее их режима), просуществовавший более двух веков. Это уже постфеодальный, но ещё не капиталистический строй. По сути, Старый порядок — это антифеодальная машина, заинтересованная в мировой торговле, но вовсе не готовая допускать в первые ряды буржуазию. Короли в Старом порядке превратились в монархов («монархическая революция» XVII в.), а феодалы — в аристократию, главным образом — придворную (этот процесс хорошо описан Норбертом Элиасом).

Жизнь старопорядковой аристократии была, конечно же, более комфортной, чем жизнь феодальной знати, однако их политико-

экономическая «сделочная позиция» по отношению к крепчавшему государству, к монархии ухудшилась^[13]. Кроме того, они утратили феодальную организацию и вынуждены были довольствоваться теми оргформами, которые предлагало/навязывало им государство. Поэтому ещё до того, как буржуазия начала активно использовать оставшиеся от прошлого структуры, этим озаботились экс-сеньоры — уже не феодалы, но ещё не буржуазия, а землевладельцы и торговцы, связанные с мировым рынком, но ещё не подчинённые капиталистическим укладам. Напомню: собственник, будь то крупный или мелкий, превращается в буржуа, а его собственность — в буржуазную только тогда, когда капиталистический уклад ставит под контроль совокупный процесс общественного производства в целом, т. е. становится способом производства. Пока этого не произошло, мы имеем дело с операторами рынка — национального, регионального, мирового, с «капиталистами против своей воли», но не с буржуазией. Африканский князёк, регулярно поставляющий рабов на мировой рынок, функционально является капиталистом (как и директор в СССР времён перестройки, получивший в 1988 г. право выхода на мировой рынок), но ни в коем случае не буржуа.

К активному поиску постфеодальных форм, способных противостоять монархии (как конкретной, так и вообще), подталкивали ту же английскую аристократию и обстоятельства. В конце XVII в. в Англии произошла династическая революция, за ней последовала борьба Стюартов и Ганноверской династии, сыгравшая значительную роль в оживлении масонства и в последующем превращении КС в третьего — наряду с капиталом и государством — субъекта капсистемы, достроившего её до целостности, а в XIX в. превратившего государство в функцию капитала на мировом уровне. Сам капитал при этом, однако, регулировался КС и в то же время подталкивал их развитие. Последние выполняли капиталистическую функцию и выступали в качестве балансира капсистемы, но вовсе не являлись стопроцентно капиталистическими или тем более буржуазными по происхождению.

Из сказанного выше ясно, что КС — латентно в XVII в. и открыто в XVIII в. — создавал некий субъект. Сам этот субъект, в свою очередь, отчасти был «собран», отчасти собрался сам в Англии, и активное время сборки, генезиса приходится на вторую половину XVI —

первую половину XVII вв. Как известно, генезис определяет функционирование любой сущности, будь то субъект или система (чаще речь должна идти о субъектосистемах и системосубъектах). Поэтому имеет смысл внимательнее взглянуть на эмбриональную фазу развития КС, поскольку субъект этот имеет к ним самое непосредственное отношение: и они, и капитализм — его детища. И это притом что, как верно заметил Энгельс, те, кто создал капитализм, — это кто угодно, но только не буржуазно ограниченные люди.

Новоевропейский, а точнее новоанглийский субъект, историческая «сборка» которого началась в 1530–1540-е годы, сконструирован из пяти элементов. Английская пентаграмма XVI в. была представлена английской знатью, английским капиталом (Сити), английскими пиратами, еврейским капиталом и венецианцами. Причём именно последние — количественно незначительный элемент — сыграли в исторической мутации решающую роль, а именно роль катализатора и закрепителя одновременно. Собственно, венецианцы и дали толчок процессу сборки — вопреки несходству с Англией и англичанами, а быть может, благодаря ему. «Венеция и Англия в XVI в., — писал Дж. Арриги, — были совершенно различными типами организации, которые развивались в совершенно различных направлениях, но иногда пересекались друг с другом при движении к своим собственным целям^[14]. И действительно, венецианско-английский синтез привёл к фантастическому результату, изменившему ход развития Евразии и мира протянувшегося в будущее. Вплоть до того, что сторонники Ост-Индской компании в британском парламенте в 1780-е годы называли себя „венецианской партией“.

Весьма показательна популярность в среде британских верхов конца XVIII в. венецианского художника Антонио Каналетто (1697–1768). Его картины покупали герцог Ричмондский, эрл Карлайл и многие другие, а герцог Бедфорд вообще отвёл под 24 (!) картины Каналетто целый зал. В чём причина такой популярности? Каналетто создал знаменитую серию видов Венеции, на которых город изображён не таким, каким он стал во второй половине XVIII в., а каким он был в XV–XVI вв., преуспевающий, уверенный в себе, в обрамлении памятников. Каналетто застал многое из той эпохи. Для британских представителей верхушки такая Венеция была символом успеха: они

считали, что именно внешняя торговля, как у венецианцев XV–XVI вв., у которых они приняли эстафету, — мотор власти и богатства, и именно поэтому упивались живописью венецианского мастера^[15].

Полтора века спустя, в 1930 г., Ялмар Шахт, призывая европейских банкиров поддержать Гитлера, обосновывал это тем, что Гитлер, наконец, сломает национальные государства в Европе и банкиры получат „Венецию размером с Европу“.

Именно средневековая Венеция, насчитывавшая в XVI в. 200 тыс. населения, управляемого 40 семьями, а не античные Афины и Рим, во многих отношениях формировала современный Запад. О роли Венеции в истории Европы свидетельствует помимо прочего и её генетическо-генеалогический вклад. Венецианская аристократия дала 17 папских семей, включая Борджа и Орсини; в родстве с ней находились / находятся: Медичи, Сфорца, Бурбоны Франции и Пармы, Савойский дом, баварские Виттельсбахи и ещё шесть-семь герцогских и маркграфских домов; выходцами из Венеции являются еврейские семьи Морпурго (финансировали Наполеона), Варбургов (финансировали Наполеона и Гитлера), американских Кэботов (еврейская семья Каботи из Ломбардии, перебравшаяся в X в. в Венецию) и многие другие. По женской линии с венецианской аристократией связаны финансисты и промышленники неаристократического происхождения, например владельцы „Фиата“ Аньелли.

Венеция стала катализатором процесса формирования хищного исторического субъекта новоевропейского Запада, который оказался „чужим“ по отношению не только к неевропейским цивилизациям, но и к самой европейской. Но особенно сильным было венецианское влияние на Англию. Однако в Англии лишь заземлился некий процесс, который обусловлен принципиальным отличием капитализма от всех других социальных систем. Именно это отличие и делает наличие закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления как формы организации западных элит исторической необходимостью.

Глава IV

Пожалуй, главное метафизическое, метаисторическое отличие капитализма от всех предшествовавших ему систем, его главная тайна заключается в том, что история этой системы с определённого, причём довольно раннего момента, примерно с середины XVIII в., приобретает проектно-конструируемый, если угодно, направляемый, номогенетический характер. Нельзя сказать, что до XVIII в. никто, никакие группы и силы никогда не предпринимали попыток направить ход истории тем или иным образом. Однако эти попытки, за редкими исключениями, во-первых, носили локальный характер; во-вторых, были краткосрочными и, как правило, проваливались; в-третьих, до середины XVIII в., а точнее до хроноотрезка 1750–1850-х годов для такого рода попыток не было серьёзной производственной базы.

В "длинном XVI веке" (1453–1648 гг.) возникает то, что И. Валлерстайн назвал европейской (североатлантической) мир-системой, история приобретает мировой характер. Кроме того, возникают необходимые и достаточные условия для исторического проектирования теми группами, которые, оттолкнувшись от эпохи "длинного XVI века", в течение столетия после его окончания превратились в операторов мирового рынка, а следовательно — в потенции — в операторов мировой истории.

Возможности проектировать и направлять ход истории, конструируя её, зависят от нескольких факторов:

- наличия организации, способной ставить и решать задачи подобного рода, т. е. обладающей геоисторическим целеполаганием, способностью к стратегическому планированию в мировом масштабе и волей действовать на этой основе;

- адекватного объекта манипуляции как средства решения задач проектно-конструкторской (геоинженерной) исторической деятельности;

- наличия финансовой базы, обеспечивающей доступ к власти и собственности и сохранение прочных позиций в обеих этих сферах;

- контроля над информационными потоками при значительной роли последних в жизни общества или как минимум его верхов;

— наличия структур рационального знания, анализирующего закономерности истории, массовые процессы и социальные группы в качестве объектов и средств реализации проектно-конструкторской деятельности.

Организацией, способной определённым образом направить ход истории, было английское масонство, опиравшееся на финансовую мощь Сити, мощь операторов мирового рынка (буржуазии), аристократических клубов и, конечно же, государства Великобритании. В конце XVIII в. к масонам "присоединились" иллюминаты, "созданные" иезуитами для борьбы с масонством, но вышедшие из-под их контроля, а сами масоны получили сработанную ими оперативную базу — искусственно созданное, полигонно-историческое государство США, куда вскоре устремились и иллюминаты, процветающие там до сих пор (Йейл: "Череп и Кости"), и другие группы и структуры, неуютно чувствовавшие себя в Европе.

В середине XVIII в. удивительным образом одновременно возникли и адекватный объект манипуляции — массы ("вещество"), и мощнейшая финансовая база (деньги — "энергия"), и новые информпотоки ("информация").

Объектом манипуляции может быть масса, в меньшей степени — класс, т. е. такой атомизированно-агрегированный человеческий материал, который состоит из индивидов, а не из коллективов, массовый индивид. Любым традиционным коллективом, укоренённым в "малой традиции", имеющим общие нормы, ценности, предание, будь то община, клан, племя, каста и т. п., трудно манипулировать. А вот "одинокая толпа" (Д. Рисмэн) городов, особенно прединдустриальных и раннеиндустриальных, ещё не превратившаяся в "трудящиеся классы" и только ещё превращающаяся в "опасные классы", столь красочно описанные Эженом Сю, — совсем другое дело, это адекватный объект для широкомасштабных исторических манипуляций. И появляется этот объект, это "вещество" — массы — именно в середине XVIII в., чтобы взорваться, а точнее, быть взорванным в "эпоху революций" (Э. Хобсбаум), в 1789–1848-е гг.

Выход масс на авансцену истории предоставил огромные возможности широкомасштабным манипуляторам. Он же позволил им ловко прятать свою проектно-конструкторскую активность (Заговор) за массами, за их "объективными" интересами и целями (которые они

сами не могли сформулировать), ну а контролирует массы тот, у кого деньги, организация и информация и кто понимает ход истории и массовых процессов, на которые — вместе с массами — в случае чего можно свалить всю вину за эксцессы. Именно с появлением массовых совокупностей индивидов, "человека толпы" (Э. По), массовых процессов законы истории приобретают видимый и вполне рационализируемый характер, а следовательно, их можно оседлать, дело лишь за организацией и финансами.

В середине XVIII в. начинается финансовый взрыв; если во второй половине XVII в. "высокие финансы" снимают урожай "длинного XVI века", то в середине XVIII в. формируются основы современной финансовой системы. Разумеется, и в докапиталистическую эпоху, и на заре капитализма в XV–XVI вв. банкиры могли оказывать существенное воздействие на ход истории: венецианцы профинансировали Третий крестовый поход (т. е. разрушение Константинополя) и отчасти — Реформацию; Барди и Перуцци в XIV в. финансировали английских королей, а Фуггеры в XVI в. — Карла V; союз банкиров и ростовщиков Ломбардии, тесно связанный еврейскими религиозно-родственными узами с банкирами Англии и Чехии (Прага), был настолько силен, что сыграл свою роль в разрушении конкурентов — ордена тамплиеров. Однако ни одна из названных сил не имела тех возможностей, которые возникли в XVII–XVIII вв. с наступлением капиталистической эпохи. Во-первых, в XVII в. произошла финансовая революция, начавшаяся в 1613–1617-х гг. созданием семейством Барухов Standard Chartered Bank и фиксацией гудвила в 1617 г. и завершившаяся созданием в 1694 г. Центрального банка Англии и изобретением государственного долга — мощнейшего финансового оружия Альбиона в борьбе за господство в Европе и мире.

Взрыв в развитии банковского капитала, о котором идёт речь и который сделал его всесильным, был обусловлен тремя факторами, стимулировавшими развитие "высоких финансов": британско-французской борьбой за мировое господство; колониальной экспансией европейских держав и начавшейся промышленной революцией. Всё это требовало денежных средств и совершенствования финансовой организации. Надо ли говорить, что банкиры были активными участниками КС?

Наконец, последнее по счету, но не по значению — роль информации. В XVIII в. произошло ещё одно изменение кардинального порядка — резко, качественно выросла роль определённым образом организованной ("упакованной"), подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной, принципиально новой и направленной информации и контроль над ней. Эти информпотоки обосновывали претензии новых социальных групп и их союзников из структур Старого порядка на участие во власти и становились мощным психоисторическим оружием КС в переформатировании сознания элиты, социальной вербовке адептов средством тщательно подготавливаемого перехвата власти с помощью массового движения, первым из которых впоследствии станет Французская революция 1789–1799 гг.

"Энциклопедия" со стеклянной ясностью продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну и социально ориентированная и идейно упакованная информация (информация специального и политического назначения), каково её воздействие на элиты, ставящее их под воздействие определённого информпотока и открывающее их таким образом влиянию КС или даже превращающее во внешний круг последних. По сути, "Энциклопедия" — это первый пример успешной информационной войны эпохи Модерна, причём войны двойной: энциклопедистов и тех, кто стоял за ними, против Старого порядка за умы и сознание элиты и войны между основными кланами самих энциклопедистов за то, кто будет влиять на элиту и получит главные дивиденды от этого^[16].

Таким образом, в середине — второй половине XVIII в. впервые в истории в невиданных доселе масштабе и форме произошло соединение вышедших на первый план по логике развития капитализма как системы "больших финансов" (денег, золота), информпотоков и больших масс атомизированного населения. Произошло соединение в одной точке Вещества (массы), Энергии (деньги) и Информации (информпотоки идеи) и концентрация их в одних контролирующих руках. Точкой соединения и одновременно субъектом последнего, соединителем, контролёром, стали, прежде всего, закрытые наднациональные структуры согласования и

управления, в данном конкретно-историческом случае — масонские КС.

Подчёркиваю: произошло это в соответствии с законами развития капитализма и его логикой. Более того, на эти законы с целью их активного использования в своих интересах в противостоянии монархии и церкви КС обратили самое пристальное внимание, довольно быстро выявив и идеологически зафиксировав противоречия двух указанных институтов с развитием капитализма. В связи с развитием идейно-информационной сферы и задачами анализа социальной реальности возникает потребность в структурах рационального знания и, соответственно, в особых отраслях этого знания, анализирующих массовые процессы, массовое поведение, исторические законы. Чтобы использовать массовые процессы, информационно и энергетически влияя на них в нужном направлении, т. е. чтобы оседлать их, нужно их изучать, но само изучение должно носить закрытый характер — по Платону, который говорил, что даже если мы узнаем имя создателя этого мира, его не следует сообщать всем. Именно КС закрепили модель двухконтурной социальной науки на Западе: внешний — для общего пользования, для профанов, и внутренний, для ограниченного круга — для тех, кто делает историю, для ее субъектов.

Капитализм, несмотря на всю якобы стихийность рынка, значительно преувеличенную и мифологизированную (даже так называемый "mid-Victorian market" 1850–1870-х годов — это не более чем регулируемый социальный институт, просто регулировка неплохо камуфлировалась), — это проект. Проект, далеко не всегда успешно реализуемый относительно небольшим числом связанных друг с другом регулярными отношениями лиц, групп и структур, действующих организованно, в соответствии с долгосрочными планами и вовсе не открыто, а, как правило, тайно. Аналогичным образом в закрытом режиме действуют и организации этого проекта — его "конструкторские бюро". Тайный (закрытый) проект — что это, если не Заговор в самом широком смысле слова? КС, Заговор суть формы нормального функционирования капитализма — реального капитализма, а не той идеологической, далёкой от научности схемы, которую преподносят как его апологеты, так и его многие критики из профанно-профессорской науки. Без понимания того великого

эволюционного перелома, который произошёл в середине XVIII в., мы не поймём ни капитализм, ни прошлое, ни сегодняшний день, когда на повестке дня КС стоит демонтаж капитализма. Не поймём и в результате проиграем Большую Историческую Игру, приз в которой — достойная жизнь и место под солнцем в посткапиталистическом мире.

Начало проектно-конструкторского этапа в истории Европы и мира совпало с подъёмом англосаксов, Великобритании и — шире — наднационального североатлантического субъекта со всей его этнической мозаикой и его КС. Это не случайно: исходно масонские организации как первая форма КС эпохи капитализма были тесно связаны с политическими и финансовыми интересами английского (с 1707 г. — британского) государства. Для финансово-аристократического союза операторов мирового рынка и европейской / мировой политики, сложившегося в столетие между английской революцией и Семилетней войной, т. е. в период, наполненный окончательной победой британской олигархии над Стюартами, т. е. устранением угрозы их восстановления на троне и двумя победами над Францией — над Людовиком XIV и над Людовиком XV, Великобритания была чем-то большим, чем государство и империя. Для них это был кластер торговых домов и масонских организаций, некая Матрица, в которой как в старой форме реализовывались новые интересы и в то же время в которой как в обновлённой форме продолжали развиваться старые интересы. Показательно, что именно в середине XVIII в. войной за австрийское наследство (1740–1748) Великобритания, как заметил Г. У. В. Темперли, открыла счёт войнам, в которых абсолютно преобладали торговые интересы и которые велись исключительно ради баланса торговли, а не баланса сил. Показательно и то, что в середине XVIII в. прекратилось трехсотлетнее противостояние между Австрией (Габсбурги) и Францией, которое было одной из главных геополитических осей 1450–1750-х гг., т. е. эпохи, когда феодализм уже закончился, а капитализм в строгом системном ("формационном") смысле ещё не начался, — эпохи Старого порядка. Это ещё одна черта совершившегося в середине XVIII в. исторического перелома.

Иными словами, Великобритания в середине XVII — середине XVIII вв. оформилась как нечто невиданное до тех пор — новая, компромиссная форма взаимодействия старых, коренящихся в

английском и венецианском Средневековье, в гностической античности и ближневосточной крылатолъвиной вавилонской и иудейской древности, сил, ставших наряду с новыми силами операторами мирового рынка. При этом и рынок, и его операторы в виде буржуазии и новой аристократии словно вдохнули жизнь, энергию новой эпохи в старые формы, произошёл энерго-информационный обмен. В то же время уже к середине XVIII в. наметилось то противоречие, которое со всей остротой проявится два века спустя в США — между США как государством и США как кластером транснациональных компаний. В Великобритании XVIII в. это было противоречие (далёкое от американской остроты) между Великобританией как государством и Великобританией как кластером, паутиной торгово-финансовых структур, аристократических клубов и масонских лож. Зонами несовпадения интересов государства и лож были вопросы дальнейшей судьбы Ост-Индской компании и событий в североамериканских колониях; зоной совпадения — экспансия лож в Европе ("на континенте"), уничтожение Франции как конкурента. Процессом и структурой, полем и средством устранения этих несовпадений / противоречий стала Вторая Британская империя (1780–1840-е годы). Однако этому предшествовал период активной работы по трём "конспирологическим направлениям", в котором интересы государства и лож отчасти совпадали, отчасти вступали в противоречие:

- 1) создание сети масонских континентальных лож, управляемых из Лондона;

- 2) создание масонского государства, свободного от традиционных государственных ограничений и в этом смысле — искусственного, экспериментального, а следовательно, территориально вынесенного за пределы Европы;

- 3) подрыв Франции на международной арене и изнутри путём создания серьёзных внутренних проблем и беспорядков с активным использованием масонства, масонских лож как мощного оргоружия. Это и составило основное содержание первого этапа развития КС.

В цели и задачи настоящего доклада не входит анализ основных этапов формирования западной элиты и её закрытых наднациональных структур. Отмечу лишь, что эти этапы в целом совпадают с основными этапами развития капиталистической системы, циклами накопления

капитала и борьбы за гегемонию. Первый этап — 1710–1770-е годы; второй этап стартует возникновением иллюминатов и Французской революцией 1789–1794-х гг., открывшей полувековой период масонских революций, и завершается образованием Второго рейха и объединением немецких масонских лож в единую "Тайную Германию" (начало 1870-х годов). С 1880-х годов начинается третий этап развития конспироструктур как имманентной формы организации верхушки западных элит. Он совпадает с началом упадка Великобритании как гегемона мировой капиталистической системы, и неудивительно, что именно британская элита отреагировала на него созданием закрытых элитарных структур нового типа: "Группа" ("Мы") Родса, "Общество" Милнера. Позднее мы видим возникновение континентальных структур — немецких, а также таких, как французские "Круг" ("Cercle") и "Век" (Siècle). Венчает эту череду Бильдербергский клуб, созданный в 1954 г. с целью примирить два основных сегмента западной элиты: англо-американский и немецко-североитальянский, связанный с Ватиканом. Кризис, в который капиталистическая система вступила на рубеже 1960–1970-х годов, потребовал новых структур, и они возникли: Римский клуб (1968) и Трёхсторонняя комиссия (1973). Можно предположить, что обострение системного кризиса капитализма, происходящее в наши дни, потребует либо модификации уже существующих закрытых структур западной элиты, либо возникновения новых. Кое-что прочерчивается пунктиром уже сейчас, но это — тема отдельного разговора.

notes

Примечания

Кругман П. Великая ложь. М.: АСТ, 2004. С. 322.

Кругман П. Ук. соч. С. 46.

Chesterton G. K. The sign of the broken sword // Chesterton G. K. The Penguin complete Father Brown. L.: Penguin books, 1985. P. 144.

Пайпс Д. Заговор. Мания преследования в умах политиков. М.: Новый хронограф, 2008.

Пайпс Д. Ук. соч. С. 160.

Биберштайн Й. Р. фон. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова. 2010.

Найт П. Культура заговора. От убийства Кеннеди до "секретных материалов". М.: Ультракультура 2.0., 2010.

Barruel, A. Mémoires pour servir à la l^{re} histoire du jacobinisme. 4 vol. Londres: De l' Imprimerie Française, chez Ph. Le Boussonnier and Co, 1797–1798.

Robinson, John. Über Geheime Gessselhaften und deren Gefährlichkeit für Staat und Religion Königsutter: Culemann, 1800.

Stark, Johann August. Der Triumph der Philosophie im Achtzenten Jahrhunderte. — Germantown: Rosenblatt (Bolling), 1803.

Lefranc J. F. La Voile levé pour les curieux, ou Les secrets de la Revolution révélé à l' aide de Francmaçonnerie. — Paris: Valade, 1791.

Подр. см. об этом: Фурсов А. И. Колокола Истории. М., 1996.

Le Roy Ladurie. L" etat royal de Lui XI à Henry IV (1460–1610). P.:
Hachette, 1987. P. 94–95.

Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. С. 245.

Colly L. Britons. Forging the Nation, 1707–1837. New Haven; L.: Yale University Press, 1992. P. 62.

Эта тема освещена в: Badinter E. Les passions intellectuels. P.: Fayard, 1999. Vol. I–II.